

Г. Годлевский

ЖЕМЧУЖИНА БЕССАРАБИИ

2500-лѣтне

г. Белгород-Днестровский
1997 год

Г. Годлевский

ЖЕМЧУЖИНА БЕССАРАБИИ

Поэма. Стихи разных лет.

Приложение к журналу
„Днестровская волна“

г. Белгород-Днестровский
1997 год

ЖЕМЧУЖИНА БЕССАРАБИИ

(поэма)

Не забывай прошлого, оно —
учитель будущего

(Восточная мудрость)

Прислушайся! Противоречья
Рождают гордость и печаль.
Наш город, как тебя мне жаль!
Мы нанесли тебе увечья.
Для тех, кто после нас придет,
Оставил след лишь твой народ —
Многоязычные наречья.
Провинция больших империй,
О, Бессарабия моя!
Все помнит здешняя земля:
Легионеров, взгляды злые
И гуннов пагубный удар,
Кривые сабли янычар
И русские штыки стальные.
Не счесть нашествий и походов.
История, ты все храни!
Здесь перекресток на пути
Культур, религий, вер, народов.

Античный мир тут степь узнал,
Европа дикая — татар,
Восточный блёск, цену свободы.
Никто не проходил здесь мимо.
И, может, мудрость в том твоя,
Многострадальная земля.
Тебя истории рутина
Не обходила никогда,
И, как и в прежние года,
К прохожим относись терпимо.
Горжусь с печалью нашим краем,
О нем веду я свой рассказ,
О нашем городе, о нас.
Мы здесь живем, но забываем
Про Белый город на Днестре.
В потоке дней, как на костре,
Свою историю сжигаем.
А за века до Геродота
Здесь в море «Арго» проплывал,
Геракл луком потрясал.
И, может, не поверит кто-то,
Что Атлантиды здесь цари
Знакомою тропею шли
На киммерийскую охоту.
Еще чудеснее виденье —
Вооруженных дев отряд —
То амазонки. Говорят,
Матриархата проявленье.
Летят их кони на врага,
Не дрогнет ловкая рука,
Они не терпят пораженья.
Во времена, когда Россия
Еще спала дремучим сном,

Стоял наш город, и ручьем
Текли товары дорогие.
Златые статеры за скот,
Пшеницу и душистый мед
Сарматы скифские просили.
Волнами быстрого Тираса
Триеры греческие шли.
Здесь камни мхами проросли,
Белели города террасы.
А на песчаном берегу
Еще увидеть я могу
Следы строптивого Пегаса.
Наш город старше Парфенона.
Он помнит эллинских борцов,
Милетских моряков, купцов
И Гиппократа, и Платона.
Перикл Тиру посетил,
Морской союз он предложил
В предвестье нового закона.
И в летний зной, и в непогоду
Богов Эллады помнит он.
Ведь олимпийский пантеон
Был также близок здесь народу,
Как местным идолам поклон.
И помнит он извечный сон
О мире, что познал свободу.
Свершились древние заветы —
В те дни наш город славен был.
Разноязычный говор плыл,
Свои чеканились монеты,
Белел вдали Никоннон
И звал купцов на остров он,
Туда, где жили тирагеты.

Был скифам люб язык Гермеса,
Но зная Марса Рим принес.
Урок жестокий преподнес.
И вместо старины Завеса
Юпитер скипетр свой вознес.
До тех времен, пока Христос
Не вывел люд из дебрей леса.
Сюда Овидия Назона
Судьба забросила. В края
Курганов древних, где земля
В морозы снегом покрывалась.
В изгнаньи нежная душа
Певца любви, тоской дыша,
О милом Риме разрывалась.
Тот день печальный канул в Лету.
Теперь могилу не найти.
Не прячет ли трава в степи
Надгробье римскому поэту?
Не отыскать уже ответ —
Ушедших лет далекий свет
Не раскрывает тайну эту.
Потом он был форпостом южным
Великой Киевской Руси.
Князей, что на Царьград пошли.
Флот оснащался лесом нужным,
Дружины пополнялись здесь
На горе матерей, невест,
Во славу княжеским прислужным.
Прошли века. Здесь крепость встала,
В руины Тиру превратив.
А Белый город, что тут был,
Под жесткой плетью янычара
Стал называться Аккерман.

И полноводней стал лиман,
И островов на нем не стало.
Не раз слышны были курганам
Здесь запорожцев голоса.
Казацких чаек паруса
У стен суровых Аккермана
То ветром свежим наполнялись,
То ядрами жестоко рвались
На устрашение атамана.
Так предки славы здесь искали.
И устремлялась в ров река.
По стенам этим кровь текла
В дыму пороховом. И стали
Непрекращающийся звон,
Поверженных предсмертный стон
Вы, стены, слышать уставали.
О! Где ж тревожных чувств истоки,
Волной нахлынувших, моих?
Не Леси Украинки ли
Те поэтические строки?
Где хмурых стен зловещий вид
Гнетет и душу холодит
Хранитель памяти жестокий.
Следы империи солдатской
Здесь видим мы со всех сторон.
Колоколов церковных звон
Над вечным сном могилы братской.
И декабристов дерзкий зов
К устройству мира без оков
Летит над степью бессарабской.
А с башни крепостной высокой
Однажды Пушкин сам взирал,
Назона тень он призывал.

Пред ним серел Овидиополь,
Свинцом блестел лиман. Вдали
К причалам жались корабли
И ждал весны опавший тополь.

II

Горжусь с печалью нашим краем.
Мы здесь живем, но забываем
Наш древний город на реке.
Он, как рисунок на песке,
Волною времени смываем.
И новый город здесь встает.
Но трогает сердца лишь тот —
Тенистый, тихий Аккерман,
Свидетель доблести и драм,
Где каждый камень, как живой
И словно говорит с тобой.
Но лишь легенды и преданья
Передают воспоминания
О тех далеких временах.
И камни нам одни остались.
Не дать рассыпаться им в прах
Не долг ли наш? Мы заблуждались.
Зачем доказывать же снова,
Что нету ничего святого?
Армянским кладбищем печальным
Доказано уж изначально,
На что в наш просвещенный век
Готов бывает человек.
Примеров действия вандалов
Я мог бы привести немало.
Так чья же остановит их рука

С тем, чтобы чрез многие века
Потомки нам могли сказать спасибо.

III

И вижу знак потомкам. Это
Морская раковина. Здесь
На постаменте, что уж есть
В нее жемчужина одета,
Что излучает дивный свет,
Как тайный древности завет.
Как символ возрожденья лета,
Ну а приблизься — происходят
Вдруг превращенья на глазах.
То виноградины в руках
Заботу верную находят.
И пусть жемчужный виноград,
И руки, что его растят
О древнем городе напомнят.

1993—1995 гг.

ГДЕ ТЫ, ВРЕМЯ МОЕ?

Бьется ветер в окно,
Сынет снегом колючим, измятым.
Мне в кровати тепло,
Мирно так и светло
В сорок пятом году. В сорок пятом.

Над кроватью моей
Мамин голос звучит, утихая.
В мире добрых зверей,
В мире солнечных дней
Крепким детским я сном усыпаю.

Что же вспомнилось ей?
Эшелон без конца и без края?
Средь казахских степей
Груда мерзлых камней?
Я не знаю еще, я не знаю.

Была горечь разлук.
Боль потерь ее сердце терзала.
Был колес перестук,
Это с маминых рук
Брата старшего вечность забрала.

Где ты, время мое,
Чтоб сказать лишь «спасибо» простое.
И за детство свое,
И за сказки ее,
И за мужество это святое.

1986 г.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Черный ворон над миром летает,
Черный ворон кружит надо мной.
Почему же ты, пена морская
Так светла и бела под Луной?

Ой ты, пена морская, напхни
Все, что волосы нам серебрят,
Почему обелиск такой черный
На могиле солдатской стоит?

Ой вы, темные воды морские,
Вы подвластны стихии слепой,
Так зачем же, зачем же виски мне
Вы окрасили пеной седой?

Черный ворон над миром летает,
И над каждой кружит головой,
Черной тучей поля покрывает,
Черной тенью скользит над водой.

Неужели он солнце закроет,
Искры жизни погасит навек?
И победу его узаконит
Самый темный и злой человек?

Слезы нашего мира родного,
Что же мало вас было иль как?
Или белого цвета такого
Не запомнить надолго никак?

Ой ты, пена морская, напхни
Все, что волосы нам серебрит,
Почему обелиск такой черный
На могиле солдатской стоит.

1980 г.

НОЧИ БЕССАРАБСКИЕ

Ночи, вы ночи мои бессарабские!
Как же вы мне дороги!
Нет не забыть вас, напевы молдавские,
Звезд негасимых огни.
Что так сияет в степи ночью темною?
Это костер догорел.
Звезды на небе и искры костерные
Счастлив, кто видеть сумел.
Хлеба пшеничного горка нарезана,
Пенится в кружках вино.
Пусть наша речь не чиста, перемешана,
Все мы как братья давно.
Помню, как дед мне когда-то говаривал:
«Наше життя хто псуе?
Синку, не знаю поганих народів я.
Люди погані — то є».
Дружно подняли мы кружки налитые,
Тост, как обычно, звучал.
Дойну старинную, но не забытую,
Кто-то из нас напевал.
Разве мы думали, что между хатами
Ляжет когда-то кордон.

И наши дети на нем с автоматами
Станут, но с разных сторон.
Ночи, вы ночи мои бессарабские!
Снитесь вы мне до сир пор.
Нет не забыть вас, напевы молдавские,
Звезд бесконечный узор.

1994 г.

СЧАСТЬЕ

Расскажи о счастье, друг желанный.
Расскажи, познал ли ты его.
Разве этот мой вопрос неожиданный
Больше не волнует никого?
Расскажи мне счастлив ли сейчас ты,
Что от жизни ждешь ты для себя.
Что же называется-то счастьем,
Что так ищем мы и часто зря.
Может быть, ответить ты мне сможешь,
Может, нет. И не твоя вина,
Если свой ответ пока отложишь,
В размышленьи стоя у окна.
Ну а счастье ведь искать не стоит.
Его надо просто понимать.
Счастье с нами рядом всюду ходит.
Его надо только лишь узнать.
К сожаленью, лишь когда судьбою
Мы прижаты к стенке, то тогда
Понимаем — ведь была со мною
Счастья путеводная звезда.

Счастье нас и греет и ласкает,
А его мы топчем, как траву.
Счастье нас к большим делам взывает.
Мы же в снах витаем наяву.
Что же, беззаботно отсидимся
Мы в плену несбыточных надежд?
И внушим себе, что не годимся
Ни на что, невежды из невежд?
Ну а если грезы вдруг отбросить,
Плечи распрямить, поднять глаза...
Сердце то ведь наше песни просит,
Руки просят радости труда.

1979 г.

НЕВЕРОЯТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ОЧЕВИДНОЙ СИТУАЦИИ

Прекратите работу, ученые!
Прекратите работу, рабочие!
Прекратите работу, художники!
Прекратите работу все.
Обратите вниманье, ученые!
Обратите вниманье, рабочие!
Обратите вниманье, художники!
Обратите внимание все.
Не зловещие ль тучи клубятся
Из-под рук из-под ваших, ученые?
Не домоклов ли мечь вы куете,
Обратите вниманье, рабочие?

Не цинизму, случайно, вы учите
И не брызжете ль ядом, художники?
Вы на время оставьте занятия
И подумайте тщательно все
А когда вы вернетесь к работе,
Перед тем, как опять приступить,
Вы, наверное, также поймете —
Поезд нужно уже тормозить.
Поезд можно еще тормозить!

1979 г.

ИСКРЫ РАДОСТИ

Эти вот стихи простые
Сердце мечет на поверхность
Из моей души мятежной,
Высекает как о кремень
Искры радости священной.
Их увидеть очень просто
В годы юности бывает.
Но чем дальше мы уходим
Вдаль от этих лет кипучих,
Тем слабее и тем реже
Искры радости сияют.
Ни в заботах повседневных,
Ни в тревоге, ни в отчаяньи,
Ни в болезнях и страданиях
Не родится песни нужной.
Ну а если вдруг удача —
Написал строку живую.

Белый лист ожил вдруг сразу,
Стал податливей и ближе.
И в душе нетерпеливой
Искры радости блеснули.
И предстал особым смыслом
День сегодняшний отныне.

1979 г.

* * *

Прочь суета из головы!
Ушли друзья и сутки тают.
Уснули близкие твои
И телевизор остывает.

И вот с собой наедине,
Под шум дождя и ветра вздохи,
Я погружаюсь, как во сне,
В свои далекие «эпохи».

И вспоминается, как мог —
В казармах, в службе повседневной
Найти ключи, зайти в чертог,
Забыться с лирой своей верной!

Признайся ведь — уйти хотел
Из жизни той в иную сущность.
И уходил. Кто бы сумел
Мне доказать того ненужность.

Пусть так, но все-таки порой,
В минуты эти дорогие,
Витали грезы надо мной
И струны пели золотые.

Слова ложились на листок,
В них мысль, направленная мною.
И излагал я то, что мог,
И радость была, я не скрою.

Ну а сейчас не со двора,
С фасада, главного портала
В чертог войти мне вновь пора,
Чтоб лира снова зазвучала!

Прочь суета из головы!
Друзьям не пела твоя лира.
Уснули близкие твои
И ночь заботы притупила.

1988 г.

КОНФЛИКТ

Я не буду плакать больше, видно —
Слезы так давно уж не текут,
Но порой бывает так обидно
Понимать — не нужен ты и тут.

Не дано за горло мне хвататься
И рубахи рвать я не могу,
И чего-то где-то добиваться,
Осчастливить чтоб семью свою.

Знал я твердо, что работать нужно,
Чтоб хлеб насущный добывать,
Но случилось, что мне стали дружно
Все вокруг другому поучать.

Не приму я вашей веры, знаю.
Да и можно ль верою назвать
То, что с детства так я презираю —
Ваш цинизм — холопскую печать!

А когда решаюсь я порою
Рот раскрыть в защиту своих прав,
Мне кричат со всех сторон, толпою:
«Ты смотри!.. Кто ты такой? Нахал!»

Замолкаю, думаю печальный —
И действительно, кто я такой!
Я такой же как и все бесправный,
Человек обманутый, пустой.

1991 г.

РАЗМЫШЛЕНИЕ В ЭЛЕКТРИЧКЕ

По левую руку был серый лиман,
По правую — синее море.
Стихиям подвластен души океан —
Волнуется он на просторе.

Не слышит он нудного стука колес,
Не внемлет людским разговорам
Он плещет и бьется в скалистый утес,
В нем волны, подобные горам...

Не слишком ли много возвышенных слов
Сказал ты о том океане?
Не в нем ли растаяли тысячи снов,
И мыслей, и дум, и стихов —
Исчезли, как кони в тумане?

Да в нем. И там место для всех он найдет,
Запрячет в глубинах незримых.
Но он и обратно их нам отдает,
Как только поймет, что час их пробьет,
Без мук для себя ощутимых.

1986 г.

ВДОХНОВЕНИЕ

Необъяснимо наше вдохновенье,
Восторг находки, трепетность огня.
И будто лань мелькнула в отдаленьи
Шальная мысль, что мучает меня.

Я ненавижу пасмурные зори.
И ночь не спал для этого ли я?
Займись заря безбрежным алым морем
Предвестьем света, радостного дня!

Непостижимо наше озаренье -
Не нужно слов, бумаги и пера,
И только музыка и мысли пенье
Звучат всю ночь до самого утра.

Но мысль мне выразить словами надо.
А музыку бы в ноты воплотить.
Да, это только ремесло и надо
Несложную программу получить.

Но снова тут чудесное явленье.
И снова мысль и музыка поют.
Пусть называют это вдохновеньем,
Я просто жизнью это назову.

1988 г.

* * *

Когда небосвод озарился закатом
И первые звезды сверкнули в небе,
Мне вспомнилось вдруг, как когда-то
солдатом

Спускался я с гор на плече с автоматом,
И песню запел наш уставший взвод.
Мы пели хорошую песню, простую
Про вишни в саду и про хату родную.
Где мама сыночка из армии ждет,
Где рядом девчонка-соседка живет.
Сейчас уже взрослой совсем она стала,
Наверно, парней убеждать уж устала,
Что друг у нее есть, что в армии он,
И что он вернется к ней, милый ее...
Я газа прибавил и дальний включил,
И серый асфальт все быстрее катил
Навстречу колесам. В протекторы бил
И дальше шипя в темноту уходил.
А ветер свистел по бокам
И запахи раннего лета
Шутя уносил к облакам.

1968 г.

ЭКОЛОГИЯ

Гонит ветер тучи, или это дым
Над лиманом серым, серым и седым.
Там бушуют волны и грохочет гром,
Но никто не знает ничего о том.

Все куда-то рвутся, мечатся, спешат
И не оглянуться, не взглянуть назад.
Не нужна история и вчерашний день.
Будущее? Где там... Призрачная тень.

Только боль Чернобыля и Арала стон
Разбудить способны и развеять сон.
Стали замечать мы, что уже вокруг
Пестициды, яды и в нитратах луг...

1988 г.

Я ВЕРЮ — ПОТОМУ ПОЮ.

А может быть писать не надо?
Кому нужны стихи мои?
Лишь для меня они отрада.
Мне одному важны они.

Друзья стихов читать «не в силах»
Я знаю точно и я прав.
Знакомых тоже вряд ли лира
Растрогать сможет, зазвучав.

А я — изгнанник всего мира
Надеждой страстною горю:
Найдет ведь слушателя лира,
Я верю — потому пою.

1979 г.

Старик двадцатый век уходит
 Со взглядом алчным и скупым.
 С собой в историю уводит
 Все войны, пепел, кровь и дым.
 До основанья мир разрушил,
 Людские судьбы погромсал
 И грязною рукою в души —
 Там чувства, совесть вырывал
 И скалил зубы и топтал.
 И зреют новые нарывы
 На теле Матери Земли.
 Где ж те лекарства, что доньше
 Мы так найти и не смогли?
 Как трудно птице без полета!
 Как наболело в этой мгле!
 Нажать гашетку пулемета
 Гораздо проще видно мне.
 Так что же вновь с восторгом пьяным
 В безумстве кровь свою глотать,
 Зубами мясо чье-то рвать?
 Пока не остановит Мать?
 Пока не загноятся раны?

1996 г.

ОТРЫВКИ
ИЗ ПОЭМЫ «НОСТАЛЬГИЯ»

* * *

Жизнь текла своим порядком,
Предъявляя счет за счетом,
Сокрушая догм нападки,
Что служили нам оплотом.
Оказалось, на поверку,
Электроника шагает
И генетику, как девку,
Уж никто теперь не хаит.
Кибернетика наукой
Оказалась очень нужной.
Только вот детишек скукой
Заморочили натужной.
Наш заслон свободной мысли
Не способствовал натуре.
Этим и определилось
Отношение к культуре.
Шаткий путь соцреализма
Благородную задачу
В обществе социализма
Всю обрек на неудачу.
Было это, было, было.
Что греха таить — мы знали,
Но движенье в нас застыло
Человеческой морали.
В результате принимаем

Пошлость, серое беспутство
И почти не замечаем
Настоящее искусство.
Позабыв, что есть на свете
Вечных истин достоянье,
Всех ценнее самоцветов —
Духа пламенного знанье.
Это то, в чем смысл заложен
Жизни нашей на планете,
Что спасет нас, если сможем
Мы воспользоваться этим.

* * *

А теперь мы шанс имеем —
Предоставлен он судьбою —
Новый путь избрать и смеем
Каждый стать самим собою.
Ну а вас, вы сони наши,
Мы поймем, простим в пути.
Открывайте глазки ваши —
Дальше вместе нам идти.
Если ж вас допустим к власти
Ортодоксы, радикалы,
Повторятся все напасти —
Палачей еще немало.
Вновь наладят производство
Острых проволок с шипами,
Спрут наветов разрастется
И польется кровь ручьями.
Как помочь понять заблудшим
Их откуда ностальгия?
Не был мир в те годы лучше —
Они были молодые.

Озарить наш путь пытаясь,
Рай живет в души движеньях.
В нас самих и проявляясь
Во взаимоотношеньях.
И другого нету рая
На Земле. И быть не может.
Правда эта не простая.
Вот что вас пускай тревожит.
Тем, кто мнит себе за право
Рушить мир до основанья,
А затем его сначала
Возводить, нет оправданья.
И примите покаянье,
Правдой кто испытан честно —
Тягостное испытанье.
Им хвалиться неуместно.
И понять должны народы,
Путь пройдя ошибок трудный —
Человек не царь природы,
Сын ее, вдобавок блудный.
Вот ответ вам на стихию.
Тем, по прошлому кто плачет.
Ностальгия, ностальгия.
Низадача, низадача.

1996 г.

ПЕСНЯ ПЕЧАЛИ

Ты помнишь ту лунную ночь на Дунае?
Со мною ты рядом была.
И тихо запели гитары,
И пела Дуная волна.
Ты лаской своею мне сердце согрела.
Любимой назвал я тебя,
Но туча Луну заслонила
И смолкли гитары тогда.
Слова прозвучали, как песня печали,
Тоскуя о чем-то своем,
А губы как прежде шептали:
«Согрела ты сердце мое».
Ну вот и закончилась песня печали.
И жизнь уж прошла стороной.
По-прежнему только гитары
Звенят под холодной Луной.

1968 г.

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Заставь себя забыть тугую плеть
Забот и мелочные рвенья,
И ты захочешь снова петь
Над черной бездною забвенья.

Но вот уж облака рисуют мне:
Дракона, замок, привиденье,
А там, на огненном коне
Проскачет витязь — дня рожденье...

Я напишу всего одну строку —
Не иссякай, святой источник!
И это все? Что я могу?
Ведь мне восторженность помощник.

Но свежий ветер вновь повеял мне.
Чудесный лес опять зеленый.
Я солнца луч ловлю в вине
Надежды, ветром опьяненный.

И он порыву стихнуть не дает.
Ржут кони, бьется колокольчик,
И снова все во мне поет —
Не иссякай, святой источник!

Не иссякай! Звени, теки вперед,
Точи скалу, пробейся к свету!
Настанет ведь и твой черед
И ты напоишь всю планету.

И мысли, облаченные в стихи,
Возвышенные идеалы
Займут законные свои
Места и выйдут из обалы.

1989 г.

ПАРУСА

(Песня яхтсменов)

Над заливом в синей дымке
Тают паруса.
В небе чайки-невидимки —
Только голоса.
А волна о борт дробится,
Пеною кипит,
Яхта белая, как птица,
Над волной летит.

Припев:

Паруса — это красиво!
Паруса!
Это ловкость, смелость, сила —
Паруса!
И романтики дыханье —
Паруса.
Рук умелых испытанье —
Паруса.

Чистый трепет брызг соленых
Нам в лицо,
И дельфинов удивленных
Вон кольцо.

Выбран галс и я рукою
Соль с лица утру.
Зазвучат струной басовой
Ванты на ветру.
За кормою вид не новый —
Уплыла земля.
Впереди простор лиловый,
Дальние края.

Припев:

1994 г.

КАРПАТСКАЯ ФАНТАЗИЯ

В туманной дымке тают кручи,
Говерла таинства полна,
На небе полная луна,
И ели прячутся за тучи —
Они прекрасны и могучи,
Как океанская волна.

Стою в ночи я одиноко
Вдали от суетных огней,
А сердце мило тянет к ней,
К моей дивчине синеокой,
И песней хочется широкой
Наполнить мир и плыть по ней.

І пісня, наче птах казковий,
Злітає в темряву нічну,
Дзвенить, привітствує весну,
І між зірок вона мандрує,
І місяць огнений цілує,
І далі лине у пільму.

Луна гукає з полонини,
Неначе пісні той гонець,
Вернувся знову в цей кінець,
Щоб сповістити мені новини
Про те, що цвітом черемшини
Нарешті вбрався обрій весь.

Туман повзе над Черемошем,
Трембіти голос пролунав.
На полонини десь вівчар
Свої отари з водопою
Жене дорогою стрімкою.
Майнув між скель і знов пропав.

Вже скоро йти, бо час надходить,
Згори туман лягає вниз,
І, виконавши свій «стриптиз»,
Говерла хмари колом водить.
За скелі місяць вже заходить,
І вітер свіжий, наче бриз...

1967 г.

ПРИНЦЕССА ПЛЯЖА

Венера русая, принцесса пляжа,
Богиня тайная моей мечты!
В улыбке—жемчуг и с искринкой взгляда
Травинку тонкую кусаешь ты.

Загадка вечная ты мирозданья.
Начало жизни будущих в тебе.
Еще не знаешь ты, кто твой избранник,
А я сражен тобой, молюсь тебе.

Мне никогда с тобою не сравнятся
И все оставит лучше так, как есть.
Только прошу тебя не сомневаться —
Богиней будь, молись дай тебе!

Нежданно мысль возникла
в подсознании —

Лишь для меня богиня ты миров,
Узрит ли тот небесное создание,
Кто алых губ коснется лепестков?

А жизнь из русла выйдет неужели
И прозою наполнится сполна,
И завертятся жизни карусели,
И станешь ты печальна и бледна.

И я стою, не находя ни слова.
А ты смеешься, глядя на меня.
И спрашиваешь снова ты и снова,
Чего молчу, чего печален я.

Венера русая, тебе отвечу,
Твои слова, что розовый прибой.
Благодарю судьбу за нашу встречу,
Случайное свидание с тобой.

Твои глаза веселые навеки
Запечатлятся в памяти моей.
Я не могу ни гор сдвигать, ни реки
И недостойн красоты твоей.

1991 г.

* * *

В какое русло мне направить
Своих раздумий крестный ход?
Как превозмочь себя — заставить
Мне обратиться к вам, народ?

Не для того, чтоб смуту сеять,
Не для того, чтоб поучать
Премудростям или развеять
Миф об учении, как ждать...

Я вижу пред собою путь.
С него никак мне не свернуть.
И, если образно сказать,
Хотел бы я локомотивом
Для многих стать...

Но ведь не смогут все понять,
Куда проложена дорога.
Что ж, подождать еще немного?
Но сколько можно уже ждать?!

1989 г.

БАСНЯ

Тихо в кронах птицы пели.
Никакой нигде грозы.
На своих цепях сидели
Львы, медведи и козлы.
А в сторонке, возле елки
Одинокая коза.
Тянет цепь, жует иголки.
Не коза — одни глаза.
А смотрели за порядком
И кормили тех зверей
Дюжина баранов гадких,
Да полдюжины свиней.
Льва кормили потрохами,
А медведя — корешками,
Малость сена вот — козе.
В основном же все себе,
Но подул вдруг ветер свежий,
Ветер свежий сверху вниз.
Он имел такое свойство —
Цепи сыпались, рвались.
Тут же лев поймал козу.
И с медведем бурой масти,
Разорвав козу на части,
Меж собою подрались.
Много было шума, крика,
Рева, яростного рыка,
Морды, уши, лапы, спины,
Когти, пыль, как от машины...

В общем, как и должно быть —
Взялись хищники делить.
Наконец медведь ушел,
Понял тщетность своих слов.
Лев, сожрав козу, зевая,
В Африку побрел, хромая.
Чтоб понять о чем тут речь,
Я скажу такую вещь —
Козьи мысли я открою.
Так подумала она,
Когда лев пред ней горою
Стал, разинув пасть до дна:
«Если б я была свободной
Все прошедшие года,
Никакой бы зверь голодный
Не поймал бы никогда».

1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Жемчужина Бессарабии» (поэма)	3
Где ты, время мое?	10
Белый цвет	11
Ночи бессарабские	12
Счастье	13
Невероятное предложение в очевидной ситуации	14
Искры радости	15
«Прочь суета из головы...»	16
Конфликт	18
Размышление в электричке	19
Вдохновение	20
«Когда небосвод озарился закатом...»	21
Экология	22
Я верю — потому пою	23
«Старик двадцатый век уходит...»	24
Отрывки из поэмы «Ностальгия»	25
Песня печали	28
Святой источник	29
Паруса (песня яхтсменов)	30
Карпатская фантазия	32
Принцесса пляжа	33
«В какое русло мне направить...»	35
Басня	36

ГОДЛЕВСКИЙ
Георгий Олегович

ЖЕМЧУЖИНА БЕССАРАБИИ

Поэма.
Стихи разных лет.

Издатель и редактор Д. Вицукаев
Технический редактор Л. Петрова
Корректор Т. Юдина

Сдано в набор — 20.03.97. Подписано в печать
2.04.97. Формат 70x90 ¹/₃₂. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 1,25. Печать высокая. Регистр 175 ОД
Заказ 1015. Тираж 500. Цена свободная.

Тип. г. Белгорода-Днестр., ул. Дзержинского, 45.